

Е. А. Аликова

Ребенок как нравственный идеал в русской женской поэзии конца XVIII – начала XIX в.

Статья посвящена исследованию специфики представления образа ребенка как нравственного идеала в русской женской поэзии конца XVIII – начала XIX в. Материал исследования – поэтическое наследие женщин-писательниц 1770–1820 гг. В статье выявлены некоторые представленные в женской лирике модификации образа ребенка, обнаружены его общие и индивидуальные черты.

Ключевые слова: женская лирика рубежа XVIII–XIX вв., сентиментализм, нравственный идеал, семейная поэтика, образ ребенка.

Е. А. Alikova

A Child as a Moral Ideal in the Russian Female Poetry of the end of the XVIII – the beginning of the XIX c.

The article is devoted to investigation of the specificity of the idea of a child's image as of a moral ideal in Russian female poetry of the end of the 18th – the beginning of the 19th centuries. The matter of investigation is the poetical heritage of female writers of the period of the 1700-1820-s. The article reveals some modifications of the image of a child introduced in female poetry; it also discloses its general and specific features.

Keywords: female poetry at the turn of the 18th–19th centuries, sentimentalism, moral ideal, family poetics, image of a child.

С 1770-х гг. поиски нравственного идеала в литературной культуре [1] России выходят на новый интересный уровень. Особое значение приобретает поэтика семейных отношений. Частое обращение к ней писателей и поэтов связано с несомненным влиянием сентиментализма, направления, в котором Дом и семья провозглашаются главными ценностями [2]. Поэтизация семейного быта, труда и забот женщины [3] по сбережению домашнего очага постепенно приводит к нравственной идеализации ребенка. Пристальное внимание писателей к ребенку [4] во многом объясняют и особенности культурной ситуации того времени. В исследовании Е. Е. Сапоговой читаем: «XVII и XVIII вв. ознаменовались появлением нового образа детства, ростом интереса к ребенку во всех сферах культуры, более четким хронологическим и содержательным различением детского и взрослого миров и, наконец, признанием за детством автономной социальной и психологической ценности» [5, с. 149].

Особое место образ ребенка внутри литературы конца XVIII – начала XIX в. занимает в женской лирике. Писательницы рассматриваемого нами периода, которым с раннего детства прививали идею о главенствующем положении детей в жизни женщины, переносят трепетное отноше-

ние к ним в свое творчество, помещая ребенка в центр поэтического мира.

В женской лирике конца XVIII – начала XIX в., на наш взгляд, наиболее чутко запечатлеть мировидение ребенка, тонко передать «поэзию жизни» детей удалось, прежде всего, Марии Алексеевне Поспеловой (1780–1805) и Анне Петровне Буниной (1774–1829) (о творчестве этих авторов см.: [6]). Если Поспелова оставила как бы общий «этюд» восприятия мира через тему Ребенка/Детства, то Бунина, развивая поэтическую мысль дальше, создала уже зримые конкретные образы детей и детства.

Ребенок в литературном наследии Поспеловой обрисован как прелестное беспечное создание. Нередко своих юных героев писательница изображает на лоне природы. Более того, дети у Поспеловой слиты с миром родной природы, преобразующей душу. Поэтизация детства в творчестве юного поэта, прежде всего, связана с изображением весны. Весна словно бы воплощает ребенка [7], радостный, светлый, беззаботный мир детства, каким он представлен в произведениях писателей-сентименталистов [8]. Символично соединение образа весны и образа детей в стихотворении «Весна» (опубл. 1798) (см.: [9, с. 82–86]). Дети, несмотря на свой совсем еще ранний, робкий возраст (они «малые» [9, с. 86]), получа-

ют полную свободу действий и сами создают для себя свой особый мир. Они играют на весеннем лугу, собирают цветы, радуются жизни, тому, что происходит вокруг. Ничто и никто не мешает им. Они понимают красоту природы, прославляют и искренне хвалят весну. Между миром природы и миром детей царит гармония.

Дети, полные свободой в заповедных пределах своего особенного мира, нередко оказываются центром стихотворения и у Анны Буниной. Поэтому они даже несколько обособлены и от мира взрослых, в отдалении от собственных родителей: «Дети прижались/Скромно в углах» [10, с. 22], – такими видятся Буниной игра и недоступная взрослым тайна в стихотворении «С приморского берега» (1806).

Ребенок в видении Анны Буниной любознателен, любопытен. Ничто не ускользнет от его пытливого взора. Он подчас весьма шаловлив, непоседлив и проказлив: «В кружок собравшись без вождя, / На шалость скорые, малютки ребятенки: / «Эй, маминька!» – кричат, смочивши волосенки, – / «Постой! Я вырасту с дождя!» («Лето» (до 1819) [11, с. 126], но и наивен, доверчив, порой не замечает приближения грозящей ему опасности, поэтому даже укусы пчелы оказываются для него совсем неожиданным: «Однажды, помню я, сорвать цветок хотела, / Под листиком таюсь пчела сидела: / Она меня в пальчишко чок!» («Хоть бедность не порок...» (29 февраля 1813) [12, с. 469].

И Пospelова, и Бунина увидели поэзию в игре детей. Пospelова с нежностью и теплотой смогла передать само восторженное состояние увлеченных игрой детей. У Буниной дети через игру, подражая природе, учатся уже познавать мир:

А я, поставя уши рядом с веткой,
Учусь у них жужжать,
И, мысль подражать,
Клохчу наседкой!
Сама же думаю: точь-в-точь переняла.
Ребенок я была!

(«Хоть бедность не порок...»
(29 февраля 1813) [12, с. 469])

Детские воспоминания светлы и святы для автора, но можно уловить здесь и прорывающуюся легкую меланхолию, грусть: «Ребенок я была!» [12, с. 469]. Настоящее, жизнь в «поздних летах» [12, с. 469] передано здесь же уже с грустными нотами.

В творчестве Пospelовой и Буниной наиболее полное выражение получил образ маленькой впечатлительной девочки. Их героиня хорошо

воспитана, глубоко религиозна [13] и не по годам сообразительна. Как и свойственно это мироощущению ребенка, она воспринимает мир общим для всех Домом, а людей вокруг принимает за единую семью. Осознавая себя ответственной за сохранение гармонии в мире, хранительницей целой вселенной, героиня оды Пospelовой произносит такую фразу: «Составимте сердец союз» («На день Тезоименитства ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА» (1798) [14, с. 16]. Так в женскую поэзию через наивные «детские» мысли проникают чистые и высокие мечты.

Если Пospelова и Бунина отразили в произведениях образ маленького, но уже самостоятельного в своих действиях ребенка, независимого от матери, то Варвара Александровна Караулова (1774–1842), Александра Леонтьевна Магницкая (1784–1846) и Наталья Леонтьевна Магницкая воплотили в поэтическом наследии образ младенца. Описание ребенка в их стихотворениях выдержано в сентименталистском ключе. С изображением младенца нередко соседствуют пейзажные зарисовки, как, например, в стихотворении Н. Магницкой «Спящее дитя» (опубл. в 1797 г.): «Вкруг играли ветерочки / В мягких нежненьких кудрях... / [...] / И на щечках расцветали / Розы в дружбе с красотой, / Ослепляющей блистали / В них лилеи белизной» [9, с. 53]. Появляются и эпизоды игры ребенка на лоне природы, напоминающие отдельные стихотворения Пospelовой и Буниной. Так, у Александры Магницкой, талант которой был замечен еще при жизни и удостоен внимания таких именитых писателей, как Херасков и Карамзин (см.: [15]), в стихотворении «Благотворитель» (опубл. в 1797 г.) маленький ребенок «...с веселием играет / ... с пестрой бабочкой в лугах, / ...ручонки простирает / С улыбкой нежной на устах» [9, с. 45]. Однако идиллическая картина, связанная с образом ребенка, нередко нарушается или кажется зыбкой, поскольку вторгаются мысли о смерти как возможной опасности, грозящей младенцу: «...Проснувшись, улыбнется, / Может быть, в последний раз» [9, с. 53].

Младенец в стихотворениях В. Карауловой, Ал. Магницкой и Н. Магницкой нередко беззащитен («Спящее дитя» Н. Магницкой), нуждается в помощи («Благотворитель» Ал. Магницкой), а иногда и в успокаивающем слове матери («Разговор матери с маленьким ее сыном» В. Карауловой).

В женской поэзии рубежа XVIII–XIX вв. находит отражение не представленный в лирике

поэтов-мужчин слитый воедино союз матери и младенца, образ ребенка «в объятиях матери» [9, с. 44]. В его изображении в творчестве писательниц мы обнаруживаем общие моменты. Так, представленное в стихотворениях идиллическое единение родных душ, как правило, оказывается омраченным личными проблемами, возникающими из-за ряда жизненных обстоятельств: «Младенец, гладом изнуренный, / В объятиях матери страдал, / Ее слезами окропленный, / Не расцветая, увядал» (Ал. Магницкая «Благотворитель» (опубл. 1797) [9, с. 44]. Зачастую героиня переживает уход из семьи неверного супруга, при этом чуткий к восприятию состояния матери ребенок страдает вместе с ней, что свидетельствует об эмоциональном единении младенца с матерью:

Несчастлива наша дочь со мною сострадает,
В младенчестве своем всю горечь понимает.
В объятия мои повергнуться спешит,
О имени твоём со горестью твердит.
(Е. Урусова «Офира к Медору» (опубл. 1777) [9, с. 190])

Так же «впитывает» переживания матери – несчастной, брошенной супругом женщины – дитя в стихотворении Варвары Карауловой (о Карауловой см.: [16]) «Разговор матери с маленьким ее сыном» (1800). Ребенку передается грусть матери, и он отвечает на это как может в своем совсем еще юном возрасте, – слезами: «Чувства чувствам грусть сказали, / И ты начал тосковать» [9, с. 34]. На протяжении всего стихотворения героиня пытается успокоить плачущего сына, поэтому произведение приобретает форму диалога матери с ребенком. Плач младенца усиливает страдания матери: «Ты из глаз твоих слезою / Множишь лютость мук моих» («Разговор матери с маленьким ее сыном» (1800) [9, с. 33]. Между тем, переживая личную трагедию, героиня женщин-поэтов конца XVIII – начала XIX в. всегда в первую очередь думает о своем ребенке, его благополучии. Так, к примеру, героиня стихотворения Екатерины Урусовой, обращаясь к супругу, призывает его вернуться в семью ради счастья дочери: «Медор! Ты дочь свою несчастью подвергаешь. / [...] / Ах! Может быть, она в пороки погрузится» («Офира к Медору» (опубл. 1777) [9, с. 195].

Материал нашего исследования и проведенный нами анализ дают возможность сделать следующие выводы:

1. Образ ребенка – один из определяющих для литературы времени сентиментализма – в женской поэзии рассматриваемого нами периода

приобретает особую значимость, преобразуется в нравственный идеал. Во многом благодаря ему женщины-поэты рубежа XVIII–XIX вв. привносят в литературу позднего сентиментализма новые аспекты поэтики Дома.

2. Наиболее полное отражение образ ребенка получает в лирике Пospelовой и Буниной. Они поэтизируют беспечную жизнь детей, с любовью описывают их тихую игру, передают их эмоции, восторженное состояние.

3. Настоящим открытием женщин-писательниц рассматриваемого нами периода следует считать образ маленькой девочки, которому в женской поэзии уделено особое внимание. О невнимании писателей-мужчин к детству девочек говорит в своей докторской диссертации А. В. Белова: «У дворянского детства в России – “мужское лицо”. Детство девочек авторов-мужчин не интересовало, зато их пристальное внимание было приковано к девичеству – девушкам, барышням» [17, с. 28–29].

4. Поэтическое наследие В. Карауловой, Ал. Магницкой и Н. Магницкой обращено к образу младенца. Ребенок в их стихотворениях нередко представлен несчастным и беззащитным.

5. Камерный союз матери и ребенка представлен в элегическом настроении. Мать и дитя в женской поэзии этого периода – страдающие образы. В поэтическом наследии получают отражение следующие их модификации: брошенная супругом женщина и плачущий ребенок; «младенец, гладом изнуренный» [9, с. 44] и плачущая мать.

6. Женщины-писательницы конца XVIII – начала XIX в. стремятся запечатлеть естественность, беззаботность в ребенке, показать красоту окружающей его действительности. Мир изображаемых детей тесно связан с миром Природы.

7. Образ ребенка как нравственного идеала в русской женской поэзии конца XVIII – начала XIX в. представляет собой цельную единую систему, в основе которой взаимодействие и взаимопроникновение следующих моментов:

– образ младенца как воплощение божественной гармонии («Спящее дитя» Н. Магницкой);

– мотив союза матери и ребенка в трагических обстоятельствах жизни, выходящий к проблеме страдающей красоты («Благотворитель» А. Магницкой);

– восстановление целого в идее идиллического единства душ женщины и ее дитя («Разговор матери с маленьким ее сыном» В. Карауловой).

Примечания

1. Теорию литературной культуры с объяснением специфики термина развивали такие современные ученые, как С. И. Николаев (см. его докторскую диссертацию «Литературная культура Петровской эпохи» (1996), Р. М. Лазарчук (см. ее докторскую диссертацию «Литературная культура последней трети XVIII века (Диалог столицы и провинции)» (2000), Л. И. Сазонова (см. ее книгу «Литературная культура России: раннее Новое время» (М., 2006).

2. «Сентименталисты были склонны идеализировать супружеские и семейные отношения. Именно семья, основанная на естественных связях людей, считали они, формирует в человеке гражданские добродетели. [...] ...Карамзин был уверен, что в основе общества лежит семья – «малое общество» [Сербул, М. Н. Сентиментализм [Текст] / М. Н. Сербул // Основы литературоведения / В. П. Мещеряков, А. С. Козлов, Н. П. Кубарева, М. Н. Сербул; под общ. ред. В. П. Мещерякова. – М., 2000. – С. 211].

3. Литература сентиментализма с его поэтизацией домашнего очага привела к значительному возвышению образа женщины. Об этом нередко упоминают в своих работах исследователи. Так, к примеру, по мнению М. В. Иванова, сентиментализм «поставил женщину в центр семьи» [Иванов, М. В. Судьба русского сентиментализма [Текст] / М. В. Иванов. – СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1996. – С. 220].

4. Доказательством, к примеру, является повесть Н. М. Карамзина «Рыцарь нашего времени», поэзия С. Боброва. На материале лирики С. Боброва см. статью: Васильев, С. А. Мотив детства в поэзии Семена Боброва [Текст] / С. А. Васильев // Мировая словесность для детей и о детях. – М., 2007. – Вып. 12. – С. 182–187.

5. Сапогова, Е. Е. Культурный социогенез и мир детства: Лекции по историографии и культурной истории детства: учеб. пособие для высшей школы [Текст] / Е. Е. Сапогова. – М.: Академический Проект, 2004. – 496 с. Всплеск интереса к образу ребенка очевиден в это время в живописи (достаточно вспомнить семейные портреты середины XVIII столетия кисти Д. Г. Левицкого, Ф. С. Рокотова, П. С. Дрожжина («Портрет А. П. Антропова с сыном перед портретом жены», 1776), И. Ерменева («Обед», 1770-е гг.) и многих других мастеров).

6. Левин, Ю. Д. Пospelова Мария Алексеевна [Текст] / Ю. Д. Левин // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2 (К-П). – С. 483–484; Грот, К. Я. Поэтесса АННА ПЕТРОВНА БУНИНА (К 100-летней годовщине ее смерти 4 дек. 1829 г.) [Электронный ресурс] / К. Я. Грот. – Режим доступа: http://www.ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm.

7. Комплекс взаимодействия образов Весны и ребенка стимулирует идиллическую поэтику в лирике.

8. «...У сентименталистов и романтиков “невинное детство” выглядит безмятежной порой счастья...» [Сапогова, Е. Е. Культурный социогенез и мир детства: Лекции по историографии и культурной истории детства [Текст] : учеб. пособие для высшей школы / Е. Е. Сапогова. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 152].

9. Предстательницы муз: русские поэтессы XVIII века [Текст] / сост. Ф. Гёпферт, М. Файнштейн. – Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. – 271 с.

10. Русские поэтессы XIX века [Текст] / сост. Н. В. Банников. – М.: Сов. Россия, 1979. – 256 с.

11. Бунина, А. Собрание стихотворений [Текст] : в 3 ч. / А. Бунина. – СПб.: Тип. Росс. Академии, 1819. – Ч. I. Лирическая поэзия. – 178 с.

12. Поэты 1790–1810-х годов. – Л.: Сов. писатель, 1971. – 912 с.

13. Созерцая и постигая красоты Природы, героиня Пospelовой не перестает при этом прославлять Творца: «О сколь приятно нам натуру созерцать, / Тобой, о Боже! Дух и сердце восхищать / И радости сбирать небесные цветы, / Дивясь прославлять, сколь благ, велик сколь Ты» [9, с. 74].

14. Пospelова, М. А. Лучшие часы жизни моей [Текст] / М. А. Пospelова. – Владимир: Тип. губерн. правления, 1798. – 148 с.

15. Макаров, М. Н. Материалы для истории русских женщин-авторов: Две сестры девицы Магницкие [Текст] / М. Н. Макаров // Дамский журн. – 1830. – Ч. 30. – № 18. – С. 65–76.

16. Макаров, М. Н. Материалы для истории русских женщин-авторов [Текст] / М. Н. Макаров // Дамский журн. – 1830. – Ч. 31. – № 27. – С. 4-6; Муравьева, О. С. Караулова Варвара Александровна [Электронный ресурс] / О. С. Муравьева // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2 (К-П). – Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=995>.

17. Белова, А. В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки центральной России (XVIII – середина XIX в.) [Текст] : автореф. ... дис. д-ра истор. наук / А. В. Белова. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2009. – 52 с.